

Взаимодействие¹ с КНР как средство модернизации экономики стран ЕврАзЭС

А. И. Салицкий, В. В. Тацкий

Александр Игоревич Салицкий – д. э. н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.
Электронная почта: salytsky@imemo.ru

Владимир Витальевич Тацкий – Первый вице-президент, начальник депозитарного центра ГПБ (ОАО), председатель совета директоров ЗАО «Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа» (СПб МТСБ).

Реконструкция промышленности, энергетики, транспорта и сельского хозяйства стран ЕврАзЭС немислима без учета динамичных сдвигов в международном разделении труда. Для модернизации необходима политическая стабильность в отношениях с основными партнерами, финансовыми и технологическими донорами. Крупные сдвиги в мировой экономике и политике, связанные с новой ролью Китая, еще в недостаточной степени оценены в планах развития евразийских государств.

В теоретическом, внутривполитическом, а также информационно-пропагандистском плане важна принципиальная оценка китайской экономической модели. Такая оценка могла бы включать анализ соотношений между: экономической статикой и динамикой; равновесными и инвестиционными моделями; государством, монополиями и рынком; финансовикой и реальным сектором.

В отчетном докладе Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) семнадцатому съезду КПК (октябрь 2007 г.) подтверждена стратегическая установка на сочетание социализма и реформ или, иначе говоря, государственного регулирования и рынка, социальной справедливости и экономической эффективности. В ряде формулировок подчеркивается, что ведущим элементом в системе «социализм–рынок» является социализм. В докладе Ху Цзиньтао отмечено, что расширение внутреннего спроса, в качестве главной цели, в какой-то мере противопоставлено практикуемому ориентиру на рост внутренних капиталовложений, экспорта и привлечение иностранных инвестиций.

Поэтому очень важны прогнозы перспектив и проблем китайского хозяйства. Хотя зависимость КНР от международных рынков в новом веке несколько возросла, решающими в хозяйственной динамике остаются внутренние факторы. Анализ длительных тенденций развития Китая, его международной конкурентоспособности, инвестиционного потенциала, состояния финансовой системы и платежного баланса, а также стратеги-

¹ Под «взаимодействием» понимаются двусторонние и многосторонние связи, изучение и использование опыта модернизации Китая (включая работу институтов развития), а также баланс партнерско-конкурентных отношений на мировых рынках

ческих установок, принятых в 2007 году, позволяет с уверенностью предполагать сохранение высоких темпов экономического роста в краткосрочной перспективе (2008–2009 гг.) и повышенных (около 7–8% в год) – в более отдаленном будущем. Вытекающий отсюда рост потребностей КНР в минеральных, продовольственных и лесных ресурсах, а также увеличении международных перевозок требует особенно тщательных оценок.

Центральным пунктом при переводе экономики на модернизационные рельсы, а также достижении высоких темпов роста является повышение нормы и массы накопления. В Китае эти показатели близки к предельным величинам, когда-либо достигавшимся в мировой истории. В ЕврАзЭС, при сравнении с другими азиатскими странами, лишь Казахстан добился определенных успехов (см. таблицу 1). Налицо взаимная дополняемость недоинвестируемых экономик ЕврАзЭС и капиталозыбыточного Китая.

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
КНР	36	38	41	43	43	45	44
Индия	23	25	28	32	36	36	38
Индонезия	22	21	26	24	25	25	25
Пакистан	17	17	17	17	19	22	23
Бангладеш	23	23	23	24	25	25	24
Вьетнам	31	33	35	36	36	37	42
Филиппины	19	18	17	17	15	15	15
Таиланд	24	24	25	27	31	29	27
Республика Корея	29	29	30	30	31	30	29
Монголия	36	40	36	35	37	35	...
Казахстан	27	27	26	26	31	34	36
Узбекистан	21	21	21	24	23	...	...
Таджикистан	10	9	10	12	12	16	...
Азербайджан	21	35	53	58	42	30	21

Таблица 1.

Норма накопления в отдельных странах Азии в 2001–2007 гг. (% к ВВП)

Источник: ADB (2008) Key Indicators for Asia and the Pacific 2008. Manila, p. 146.

Примечание: Данные округлены.

Высокие темпы экономического роста в КНР в последние годы опирались, главным образом на развитие промышленности, в том числе на ускоренный прогресс тяжелой индустрии. Продолжение индустриализации вплоть до 2020 года заложено и в стратегические установки руководства страны. Важно еще раз подчеркнуть, что в гигантском китайском хозяйстве целенаправленное формирование комплексной промышленной системы опирается в основном на внутренние факторы. Комплексное развитие удастся совмещать с реализацией сравнительных преимуществ страны на мировом рынке, причем не только в трудоемких отраслях.

Динамика внешней торговли Китая за последние несколько лет, как представляется, подтверждает тезис о растущей комплексности, или системности, экономики этой страны. Значительное и устойчивое пре-восходство темпов роста экспорта по сравнению с ростом импорта (в

котором заметно росла доля быстро дорожавших энергоносителей) в 2005–2007 гг. свидетельствует о трех важных обстоятельствах.

Во-первых, хозяйство Китая обладает очень высокой конкурентоспособностью, которая базируется не только на ценовых, но и системных факторах, поскольку, как известно, с июля 2005 года курс жэньминьби по отношению к доллару повышался. Принимались в КНР в этот период и разнообразные меры ограничения экспорта.

Во-вторых, можно предположить, что китайские экспортеры промышленной продукции (в том числе и предприятия с участием иностранного капитала) в растущей мере используют местные компоненты и технологии. Это косвенно подтверждается данными 2005–2007 годов о некотором снижении в китайском экспорте доли предприятий, занимающихся операциями на давальческой основе (толлинг, «цзягун маои»²), т.е. изготовлением экспортных товаров из импортного сырья, полуфабрикатов, узлов и деталей. В 2008 году были сокращены или запрещены некоторые виды толлинговой торговли, что привело к заметному снижению доли предприятий с иностранным участием в экспорте: с 57 до 48%.

В-третьих, дальнейшая интеграция внутреннего рынка (в том числе в результате ввода в строй крупнейших в мире инфраструктурных объектов), а также окончательная либерализация доступа на него зарубежных производителей товаров и услуг (в рамках обязательств, принятых при вступлении в ВТО в 2001 г.) не ведут к ослаблению позиций местных производителей.

Технический прогресс закономерно ведет к дальнейшему облагораживанию экспорта Китая. Ведущей тенденцией структурных изменений является повышение качества и технического уровня вывозимой продукции. Обращает на себя внимание существенное увеличение экспорта продукции высоких и новейших технологий из Китая на мировой рынок. Если еще в 2002 году импорт по этой агрегированной статье превосходил экспорт, то в 2007-м картина стала противоположной. Актив же в торговле изделиями машиностроительной и электронной промышленности в 2007 году превысил \$200 млрд (см. таблицу 2). Налицо превращение КНР в одну из ведущих научно-технических держав, крупного экспортера технологий. Колоссален и внедренческий потенциал этой страны.

Таблица 2.

Некоторые показатели внешней торговли КНР, 2002 и 2007 гг.

Источник: Министерство коммерции КНР (<http://www.mofcom.gov.cn>)

Показатели/Годы	2002	2007
Стоимость экспорта (млрд \$)	325.6	1 218.0
В том числе:		
• продукция машиностроительной и электронной промышленности	157.1	701.2
• продукция высоких и новейших технологий	67.9	347.8
Стоимость импорта (млрд \$)	295.2	955.8
В том числе:		
• продукция машиностроительной и электронной промышленности	155.6	499.0
• продукция высоких и новейших технологий	82.8	287.0

² Буквально «торговля добавленной обработкой». В 2007 г. прирост экспорта в этом сегменте составил 21% против 30% в сегменте вывоза товаров, полностью произведенных в Китае.

При сравнении долгосрочных трендов в структуре экспорта и импорта КНР, возникает закономерное предположение о возможном вхождении этой страны в будущем в число нетто-импортеров продовольствия (в 2007 г. внешняя торговля по этой товарной группе оказалась сбалансированной, ранее наблюдался актив у КНР). В 2008 году импорт продовольствия по стоимости превзошел экспорт.

В географическом распределении китайского экспорта, при грубой разбивке, в последние годы заметна тенденция к увеличению доли европейских, африканских и латиноамериканских рынков. Импорт КНР в куда большей степени, чем экспорт, ориентирован на Азию. А некоторое усиление позиций на китайском рынке Австралии, африканских и латиноамериканских государств в 2003–2007 годы связано, главным образом, с наращиванием поставок в Китай сырья и топлива.

Заметным явлением в территориальной структуре внешней торговли Китая в 2007 году стал динамичный рост экспорта из регионов, непосредственно граничащих с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Очень высокими темпами растут поставки из КНР машин и оборудования, стали и проката, а также стройматериалов.

С 8% в 2000 году до 40% в первой половине 2008 года повысилась доля машин и оборудования в российском импорте из Китая, который на протяжении всего этого периода рос очень высокими темпами. Это и хороший признак (растет спрос бизнеса на новое оборудование), и серьезный вызов российскому машиностроению. Ответить на этот вызов без тесного сотрудничества с КНР в этой отрасли, с другой стороны, тоже невозможно. Здесь значительное поле для деятельности – в том числе институтов развития.

Начатая в первые годы нового столетия программа активизации зарубежных капиталовложений Китая, первоначально была ориентирована, главным образом, на прямые инвестиции. По состоянию на конец 2006 года, накопленные прямые инвестиции КНР в 172 странах и территориях превысили \$90 млрд.³ Около 5 тыс. китайских компаний открыли к этому времени за рубежом свыше 10 тыс. предприятий. В основном они работают в сфере горнодобывающей промышленности, деловых услуг, финансов, оптовой и розничной торговли. В 2007 году объем реализованных прямых зарубежных инвестиций составил почти \$20 млрд (в 8 раз больше, чем в 2002 г.), а число предприятий с участием китайского капитала увеличилось до 12 тыс.

Капиталовложения за рубежом быстро растут. Прямые инвестиции КНР, накопленные за рубежом на конец прошлого года, достигли почти \$120 млрд. В первой половине 2008 года объем прямых внешних инвестиций достиг \$26 млрд, увеличившись в 2.3 раза по сравнению с тем же периодом прошлого года.

В последнее время КНР активно приобретает ценные бумаги. Накопленное положительное сальдо по портфельным инвестициям на конец 2007 года превысило \$150 млрд.

³ На конец 2002 г. накопленные инвестиции Китая в 7 тыс. зарубежных предприятий составили \$10 млрд.

Добавим, что объем выполненных китайскими компаниями подрядных работ за рубежом в первой половине 2008 года превысил \$20 млрд, увеличившись почти на треть к соответствующему периоду 2007 года. По вновь заключенным контрактам, сумма которых намного превысила \$40 млрд, прирост еще выше – 60%.

Гигантский инвестиционный комплекс Китая постепенно вырастает из национальных рамок. Страна к тому же располагает стремительно растущими финансовыми возможностями. Достаточно заметить, что к концу нынешнего года валютные резервы КНР достигнут \$2 трлн. Ясно, что «квасить» эти деньги было бы неразумно, к тому же, в общем взгляде на экономику, в Китае явно преобладает ее понимание как производства натуральных благ, а не только получение прибыли.

Парадокс еще и в том, что социалистический Китай лучше других стран справляется с превращением денег в капитал, причем не фиктивный, а физический. Здесь есть чему поучиться. Заметим также, что экономическая экспансия этой страны за рубеж продиктована не только избытком капитала, но и стратегическими задачами дополнения народнохозяйственного комплекса недостающими элементами.

Такой тип экспансии существенно отличается от принятого западными корпорациями и банками. Заметно тяготение инвесторов из КНР к реальному сектору, в капиталовложениях намного выше удельный вес вновь создаваемых объектов. Учитывая высокую долю инфраструктурных объектов, можно сказать, что Китай не только захватывает внешние рынки, но и развивает их.

Зарубежная инвестиционная политика Поднебесной характеризуется рядом особенностей. Во-первых, для крупных инвесторов из КНР, которые часто представлены государственными компаниями, важны не только (и не столько) показатели финансовой эффективности. Не меньшее значение имеют системные интересы китайского хозяйства, долгосрочные цели обеспечения его необходимыми ресурсами, в том числе углеводородным и прочим сырьем, включая железную руду, зерно, уголь и т.д. Во-вторых, немалую роль играют и внешнеполитические мотивы, среди которых можно указать на приоритетность тесных и дружественных отношений с соседними государствами, в том числе членами ШОС. В-третьих, китайские инвесторы больше тяготеют к реальной экономике и новому строительству.

Существенное значение имеют и интересы сбалансированного регионального развития. Западные районы КНР, отсталые, в сравнении с приморскими провинциями, в последние годы пользуются преференциями. Именно там осуществляются крупные инвестиционные проекты. В 2007 году прирост капиталовложений в данном регионе составил почти 30%. Соответственно, растут и потенциал регионального сотрудничества, и потребности в развитии инфраструктуры. Китай остается при этом крупным получателем прямых иностранных инвестиций. Тем не менее, в настоящее время Китай меньше зависит от зарубежных инвестиций, чем в середине 90-х годов прошлого века. Основной объем капиталовложений в национальную экономику приходится на государственные предприятия (почти

60%)⁴, преимущественно внутренние факторы определяют и темпы экономического роста.

Инвестиционное сотрудничество КНР со странами ЕврАзЭС еще находится на ранней стадии. Его неразвитость объясняется разными причинами.

Во-первых, Китай лишь относительно недавно достиг капиталоизбыточной фазы экономического развития, сравнительно недавно набрали достаточно сил и опыта тамошние корпорации. Поэтому китайские инвесторы опоздали к «разделу пирога» в ЕврАзЭС, происходившего главным образом в последнем десятилетии прошлого века. Соответственно, их приходу противились и ранее окопавшиеся на этой территории зарубежные инвесторы, и постепенно матеревшие национальные деловые круги.

Во-вторых, весьма распространенным явлением в ЕврАзЭС является некоторая синофобия, подозрительность по поводу «желтой угрозы», нередко сознательно поддерживаемая средствами массовой информации. Нам в целом не хватает объективных знаний о Поднебесной, ее действительном потенциале – в том числе в научно-технической области.

В-третьих, недостаточна и зрелость национального капитала в странах ЕврАзЭС, где говоря в целом, еще далеко до капиталоизбыточной стадии роста. Низка и способность делать из денег физический капитал, о чем уже упоминалось. Кроме того, менее благоприятными стали и условия входа на китайский рынок новых инвесторов из-за рубежа.

Наконец, у нас слишком малочисленна китайская диаспора, которая в других регионах мира значительно облегчает приход инвесторов из КНР. Негативную роль играет и географическая удаленность от восточных районов Китая, где сосредоточен основной производственный потенциал этой страны.

Однако, с другой стороны, «разогретый» строительно-инвестиционный и машиностроительный комплекс Китая представляет собой реальную силу, сопоставимую с масштабом инфраструктурных и модернизационных задач, стоящих перед евразийскими государствами. Проблема экономического сотрудничества в двусторонних или многосторонних рамках во многом сводится к поиску взаимовыгодных форм, в полной мере учитывающих новую ситуацию в мировом хозяйстве. Здесь, как представляется, могут быть обнаружены нестандартные решения, позволяющие более полно использовать нынешний потенциал Китая и его потребности.

Странам ЕврАзЭС нужно очень внимательно следить за инвестиционными приоритетами Китая: отраслевыми, технологическими, географическими. Очень важны и сдвиги в структуре внутреннего спроса в этой стране. Скажем, ежегодно на несколько миллионов человек увеличивается число китайцев, отправляющихся на отдых за рубеж. К их приему мы не очень-то готовы, и эту готовность можно повысить совместно с китайским бизнесом. С другой стороны, более высокими, чем в среднем по стране, темпами растут в последние годы инвестиции в западные и северо-восточные регионы Китая. Это выгодно и нам, так как при этом растет и потенциал со-

⁴ Темпы роста инвестиций у госпредприятий – средние, выше динамика в частном секторе, ниже – в секторе предприятий с участием иностранного капитала.

трудничества с ЕврАзЭС, в том числе в области транспорта. Китай, похоже, становится нетто-импортером сельскохозяйственной продукции – здесь, как представляется, сосредоточен огромный потенциал для взаимовыгодной кооперации. Лесное хозяйство, возобновляемые источники энергии, рачительное использование водных ресурсов – весьма перспективные направления. Поэтому очень хотелось бы, чтобы в России и Казахстане нашли способы расширения эффекта сотрудничества в энергетической и сырьевой области на более широкую гамму хозяйственных отношений.

Культура, искусство, спорт, городское устройство – не перечислять областей, где есть возможности для бурного роста. В то же время важнейшей и сложнейшей проблемой остается кооперация в сфере обрабатывающей промышленности – сфере, где ЕврАзЭС решительно проигрывает развитым странам по масштабам и глубине сотрудничества с КНР. Конкурировать с «мастерской мира», не имея с ней тесного сотрудничества, невозможно. К счастью, эта мысль все лучше осознается руководством и бизнесом. Но в целом, нам еще не хватает опыта взаимодействия с китайцами.

Важен и отраслевой мониторинг инвестиционной политики КНР. Например, в первой половине 2008 года в Китае был замечен значительный (свыше 40%) прирост капиталовложений в сельское и лесное хозяйство, экологию и переработку отходов, добычу руд черных и цветных металлов, угледобычу, нефтепереработку, коксохимию и производство ядерного топлива. Столь же высокими темпами росли инвестиции в выпуск мебели, изделий из неметаллических руд, финансовую сферу, лизинговую торговлю, специализированное и транспортное машиностроение. Более чем на 35% (по сравнению с сопоставимым периодом 2007 г.) увеличились инвестиции в энергетическое машиностроение, водоснабжение, науку, технику и инновационные услуги, социальное жилье, производство измерительных приборов и офисного оборудования.

По-прежнему очевидны выгоды частичной переброски поставок энергоносителей из стран ЕврАзЭС на Восток: давление на продавцов со стороны консолидирующихся европейских потребителей и транзитных стран, кроме того, программы по сокращению потребления обычных видов топлива в ЕС создают очень жесткий рынок. В Восточной Азии ситуация более благоприятна, в том числе по причине устойчиво растущего спроса на углеводороды в Китае.

Продолжение искусственно затянутой урбанизации (переезд из деревни в город, по расчетам китайских экономистов, увеличивает личное энергопотребление более чем в два раза), быстрая автомобилизация, экологические проблемы и другие факторы с неизбежностью означают сохранение за Китаем роли одного из наиболее устойчивых потребителей энергоресурсов и перспективных рынков сбыта углеводородного топлива.

В отличие от сотрудничества в энергетической области, предметом которого являются поставки в КНР невозобновляемых ресурсов, кооперация в сфере агропроизводства и лесного хозяйства выглядит особенно привлекательной. Она может быть дополнена программами строительства современного сельского жилья, инфраструктуры, производства стройматериалов, развития туризма и т. п.

При расширении связей с КНР важно помнить, что среди стратегических целей, которые ставили перед собой китайские реформаторы на первоначальном этапе рыночных преобразований и открытой политики, было «использование внешнеэкономических связей для интеграции внутреннего рынка»⁵. Со временем выяснилось, что неизбежные на первом этапе издержки очагового развития хозяйства преодолимы. Представляется, что схожая задача объективно стоит и перед ЕврАзЭС, в том числе при выстраивании связей с КНР в инвестиционной и инфраструктурной сфере. Важно, в частности, использовать сотрудничество с КНР для более полной интеграции Дальнего Востока в экономику России и ЕврАзЭС.

Масштабное и долгосрочное сотрудничество с привлечением крупнейших игроков с обеих сторон (КНР и ЕврАзЭС) можно рассматривать в качестве эффективного пути повышения качества диалога. Энергетика, транспорт, сельское и лесное хозяйство выступают здесь естественными сферами приложения не только коммерческих интересов, но и стратегических разработок. В связи с быстро меняющейся ситуацией в мировой экономике нужны постоянные комплексные исследования в этих областях, которые должны проводиться, в том числе совместно с китайской стороной.

Вспоминая историю китайских реформ, которая насчитывает уже три десятилетия, нелишне заметить, что созданию рыночной экономики предшествовала организация развитого товарного хозяйства. Поэтому стоит подчеркнуть особое значение проектов, связанных с налаживанием в странах ЕврАзЭС товарно-сырьевых биржевых операций.

В рамках идеологии создания в России международного финансового центра, на наш взгляд, обязательно должна быть реализована идея формирования товарно-сырьевой биржи международного уровня. К такому выводу нетрудно прийти, сопоставляя два факта, находящиеся в очевидном противоречии. С одной стороны, Россия – крупнейший производитель и поставщик на мировой рынок ключевых товаров – нефти и металлов (в последнее время также растет роль страны в качестве экспортера таких товаров, как уголь и зерно). С другой стороны, российская экспортная нефтяная смесь (обычно ее обозначают как Urals, есть и другое наименование – REBCO, Russian Export Blend Crude Oil) не является сегодня общепризнанным биржевым товаром. Возможность заключать срочные сделки по ее купле-продаже ограничена мало интересующими серьезных инвесторов периферийными площадками, к тому же находящимися за пределами России.

В результате, например, цена на российскую нефть является производной от цены североморской нефтяной смеси Brent, устанавливаемой на лондонской бирже ICE. Расчеты в торговле даже с ближайшими соседями ведутся в чужой для обеих сторон валюте, что отвлекает ресурсы на создание резервов в такой валюте. Между тем, учитывая объем поставок, осуществляемых из России, вполне естественно, чтобы расчетной валютой в таких сделках служил рубль. Тем более актуально это сегодня, в условиях высокой волатильности курсов основных резервных валют и неясности в отношении будущего устройства мировой валютной системы по завершении нынешнего финансового кризиса. Чем Россия, кстати, и

⁵ Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Пекин. 1984. С. 37.

обязана воспользоваться, для закрепления своей роли как перспективного финансового центра, а рубля – как потенциальной зональной валюты. И таким образом, товарная биржа международного класса, для начала хотя бы энергоресурсов – это то реальное, с чего могло бы начаться развитие независимой финансовой системы России (а значит, и стран ЕврАзЭС), к которой, по нашему мнению, несомненно, будет двигаться страна, извлекая уроки из причин, приведших сегодня к кризисной ситуации.

Заглядывая в будущее отношений стран ЕврАзЭС с Китаем, мы бы очень хотели надеяться на то, что они станут инструментом действительной модернизации хозяйств членов Сообщества. Причем, имеются в виду не только двусторонние и многосторонние связи. Не меньшее (если не большее) значение имеет анализ китайской экономической модели и заимствование ее лучших черт. Не став «немного китайцами», мы вряд ли сможем достичь успехов в модернизации.

При очевидно назревшей кооперации с банками развития в КНР (их не зря называют «политическими»)⁶, по-видимому, не обойтись без взаимодействия с органами стратегического экономического планирования Китая. Однако пока неясно, какая структура в ЕврАзЭС могла бы выступить в качестве такого партнера с нашей стороны.

Говоря же о краткосрочной перспективе, заметим, что хозяйство КНР, по-видимому, лучше других перенесет и тяготы кризиса. Дело в том, что финансовая система в этой стране – простая и весьма консервативная. На ее фоне открытость, к примеру, российской финансовой системы выглядит чрезмерной и рискованной. Преждевременной представляется и либерализация движения капитала, осуществленная в России в 2006 году, Китай при куда более прочном положении на это не пошел. Надеемся, что из кризиса будут сделаны выводы. Заметим, кстати, что в декларации, принятой в Душанбе на саммите ШОС 28 августа 2008 года, зафиксировано важное положение: «В условиях замедления роста мировой экономики особое значение приобретают проведение ответственной валютно-финансовой политики, контроль за движением капиталов, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности». Стоит подумать о воплощении в жизнь этого пункта.

---

⁶ Интересна, в частности, китайская практика финансирования дорожного строительства. Стоимость строительства 1 км скоростной автодороги в КНР составляет около \$4 млн, фактические сроки строительства дороги протяженностью 500 км – 2-3 года. В 2005 г. в совокупном объеме инвестиций в дорожное строительство (около \$70 млрд) на центральный бюджет пришлось 15%, на бюджеты местных правительств – 25%. Еще 10% капиталовложений образуют поступления из специального фонда, формируемого за счет налога на приобретение автомобилей. Примерно 40% обеспечили кредиты банков развития, остальное – частные инвестиции и выпуск ценных бумаг. Стоимость проезда по платным автомагистралям в КНР составляет около 7.5 цента за 1 км для грузовиков и 9.5 цента для легковых автомобилей. Основная часть сборов (почти 60%) после погашения кредитов и расчетов с центральным бюджетом остается у местных правительств, несущих в дальнейшем эксплуатационные расходы.